

Пролог

— Ты знаешь, с чего все началось?

Голос принадлежал утонченному мужчине в зеленых одеждах. Его волосы были убраны простой деревянной шпилькой, несколько прядей спадало на красивое молодое лицо. Он обнимал ребенка одной рукой, в другой же держал длинную курительную трубку.

Расположившись на широком подоконнике, отец и сын наслаждались представшей перед ними картиной: раскинувшаяся на берегу небольшого пруда старая ива роняла в воду длинные косы, а разноцветные карпы подплывали к ней, срывали листья и уносили их на дно.

В душном воздухе пахло табаком и бумагой. Свободный час мастер кисти по имени Цян Фан посвятил сыну, которого нежно прижимал к груди. Тот, затаив дыхание, слушал отца, жмурясь от мягких поглаживаний по голове.

— Когда-то, больше шести сотен лет назад, от Южного моря до Северных гор простирались семь великих Царств: Цин, Вэй, Сянь, Мо, Янь, Чжао и Тун. Они враждовали, пытались отхватить друг от друга как можно больший кусок, словно звери, которые не могли насытиться тем, что у них есть.

Цян Фан взмахнул рукой, и дым из его трубки обратился в хищных зверей — тигров, волков, быков и птиц, — нападающих друг на друга. Завороженный, мальчик ахнул,

когда они с тихим хлопком перекусили друг другу горло и исчезли.

— Продолжись так и дальше, и вся Поднебесная погрязла бы в крови и вражде, не осталось бы никого, кто наследовал бы нашему славному роду. Но однажды все закончилось, и причиной тому стал демон.

— Демон? — переспросил мальчик, взглянув на отца.

— Да, самый настоящий демон, порождение людского негодования, — необычайно серьезно кивнул тот, проведя рукой по голове сына и смахнув лепесток с волос. — Его прозвали Бедствием. В один миг он уничтожил сразу несколько Царств, и правителям пришлось позабыть о былой вражде и объединиться перед общим врагом. Тогда же миру явили себя три бога войны: они убили демона и остановили распрю семи Царств. Придя к согласию, люди создали могущественную империю Цзянь, столь благословенную, что в ней не знали ни раздора, ни переворотов, ни засухи. Люди жили в мире долгие шесть сотен лет, возделывали землю, собирали урожай, женились и рожали. То было замечательное время, мой маленький Ланлан, но всему хорошему когда-нибудь приходит конец.

Художник тяжело вздохнул, печально взглянул на пруд с карпами и поднес трубку к губам. Выпустив несколько колец дыма, он продолжил тихим, хрипловатым голосом:

— Шесть лет назад Цзянь пала. Ее погубило Великое Бедствие Пустоши, пришедшее с севера и оставившее после себя мертвые поля и отравленные реки. Бедствие захватило разум императора Цзянь, против которого выступили его четыре советника, однако они не смогли спасти императорскую семью и вынуждены были покинуть столицу. Чтя память великой империи, они разделили еще плодородные южные земли на четыре части: Хуашань, Юйгу, Лаху и Хэкоу, поклялись охранять их и противостоять Великому Бедствию Пустоши, если то разразится вновь.

— А что стало с севером? — тихо спросил Ланлан.

— Четыре советника построили Великую Стену, идущую с востока на запад. Те, кто остался по ту сторону, стали монстрами, им больше нет места среди обычных людей. Севера больше нет, Ланлан. Когда пала столица Великой Цзянь — Жунчэн, — тогда пала вся нация. У цзяньцев нет ни дома, ни родных краев, мы с тобой лишь гости новых четырех империй.

— Но разве не все до сих пор цзяньцы? — задумчиво спросил мальчик.

— Верно, но многие больше не хотят себя так называть, надеясь стереть из памяти прошлое и забыть тот кошмар.

В голосе Цян Фана была слышна грусть. Он помнил те времена, когда еще ребенком ходил по просторным улицам Жунчэна, как вместе с семьей встречал там праздники и как однажды все небо почернело от дыма, а музыку сменили крики боли и ужаса.

Закрыв глаза, Цян Фан надолго замолчал. Ланлан ничего больше не спрашивал. Он прижался к груди отца, умиротворенно слушая стук его сердца и вдыхая запах курительных трав, который пропитал одежду.

— Началось беспокойное время, Ланлан, — прошептал Цян Фан. — Я уже и не знаю, кому верить, а кого бояться. Этот мир так жесток и несправедлив к нам, но слишком прекрасен, чтобы оставлять его. Запомни, Ланлан: пускай все говорят, что судьбу вершат Небеса; я же верю, что мы сами в ответе за себя. Не надейся на Небеса, мой милый сын, это лишь отговорка для слабых духом.

Тепло улынувшись Ланлану, художник прислонился спиной к оконной раме и закрыл глаза, вслушиваясь в пение птиц.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

